

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-11-373-379

МОХОВ Александр Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: med-farm-law@mail.ru

БАЙДАРОВ Александр Дмитриевич,
кандидат юридических наук,
Мировой судья судебного участка №4
Пензенского района г. Пензы,
e-mail: baydarov88@yandex.ru

ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И СКВОЗНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. В статье осуществляется анализ действующего законодательства, норм гражданского процессуального и материального права, регулирующие отношения, опосредующие применение сквозных технологий (в первую очередь, биологических и информационных), а также формирующейся судебной практики. Использование, применение достижений научно-технического прогресса, с одной стороны, приводит к упрощению и ускорению судопроизводства, с другой, способно приводить к росту судебных ошибок в силу отступления от базовых принципов гражданского судопроизводства, в частности, от принципа непосредственности. На современном этапе развития технологий в судебной практике возрастает роль сведущих лиц (экспертов и специалистов), в перспективе – специальных методик, а также стандартов доказывания по отдельным категориям дел.

Ключевые слова: принципы гражданского судопроизводства, принцип непосредственности, сквозные технологии, биологические технологии, информационные технологии, исследование и оценка доказательств, сведущие лица, методики, стандарты доказывания.

MOKHOV Alexander Anatolyevich,
Doctor of Law, Professor, All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

BAIDAROV Alexander Dmitrievich,
Candidate of Law, Justice of the Peace Section No. 4
of the Penza District of Penza

THE PRINCIPLE OF IMMEDIACY IN CIVIL PROCEEDINGS AND END-TO-END TECHNOLOGIES

Annotation. The article analyzes the current legislation, norms of civil procedure and substantive law governing relations mediating the use of end-to-end technologies (primarily biological and information technologies), as well as emerging judicial practice. The use and application of scientific and technological progress, on the one hand, leads to simplification and acceleration of judicial proceedings, on the other hand, it can lead to an increase in judicial errors due to deviations from the basic principles of civil proceedings, in particular, from the principle of immediacy. At the current stage of technology development in judicial practice, the role of knowledgeable persons (experts and specialists) is increasing, in the future – special methods, as well as standards of evidence for certain categories of cases.

Key words: principles of civil proceedings, the principle of immediacy, end-to-end technologies, biological technologies, information technologies, research and evaluation of evidence, knowledgeable persons, methods, standards of evidence.

В последние годы на государственном уровне большое внимание обращается к развитию и своевременному внедрению в практику достижений научно-технического прогресса, в частности, новейших технологий. В их ряду особое внимание уделяется так называемым сквозным технологиям, т.е. тем из них, которые охватывают фактически все отрасли экономики и социально-культурной сферы общества, публичную власть, управление.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» [5] к ним относят: технологии, основанные на методах синтетической биологии и геномной инженерии; технологии искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти; природоподобные технологии; некоторые иные технологии. Наиболее известны широкому кругу лиц современные биологические (включая генетические) и информационные (цифровые, в т.ч. системы искусственного интеллекта) технологии. Они же наиболее активно внедряются, прямо либо опосредованно применяются судебной системой при отправлении правосудия по гражданским делам.

Приведем лишь несколько документов, свидетельствующих об избранном государством курсе.

Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» [2] был принят в целях комплексного решения задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, обеспечения разработки биологических препаратов, диагностических систем и иммунобиологических средств для сферы здравоохранения, биотехнологий для сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствования мер по предупреждению чрезвычайных ситуаций биологического характера.

Согласно Указу Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» [3] Правительству РФ в целях обеспечения ускоренного развития отрасли информационных технологий Президентом РФ был поставлен ряд задач, в т.ч. по обеспечению внесения в национальное законодательство необходимых изменений.

Указом Президента РФ от 2 ноября 2023 г. № 818 «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации» [4] предписывается осу-

ществление оценки состояния природоподобных технологий в стране и определение перспектив и приоритетов их развития.

Судебная система, реагируя на технологические изменения, с одной стороны, стремится оптимизировать существующие процессы, руководствуясь принципом процессуальной экономии, с другой – адаптируется к внешним вызовам и угрозам, стремясь не допустить перекосов, снижения качества отправления правосудия, следовательно, умаления авторитета судебной власти. В связи с изложенным, судебная система, с одной стороны, поддерживает новшества, с другой, стремится обеспечить баланс интересов участников судопроизводства, не допустить умаления базовых, отправных принципов гражданского, а также иных судопроизводства. Об этом свидетельствуют изменения, произошедшие в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ [1] (далее – ГПК РФ), а также иные документы.

Так, ст. 155.1 ГПК РФ разрешила вопросы участия в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, а ст. 155.2 – участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» [9] был утвержден одноименный Регламент.

Согласно Концепции информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) [10], информационная политика должна способствовать повышению уровня доверия к судебной системе.

В связи с изложенным, растет интерес как самих судей, так и ученых-процессуалистов к информационным технологиям и их влиянию на деятельность судов, акцентируется внимание на необходимости сопряжения традиционных и инновационных процессуальных инструментов [13].

Биологические технологии и их практические результаты стали активно проникать в цивилистический процесс с конца XX века. Процесс этот ускорился в XXI веке. Достижения генетики, а также биомедицины позволили с высокой эффективностью решать задачи, ранее недостижимые для человечества (от идентификации личности, рода и др., до зачатия детей вне человеческого организма и вмешательства в геном человека) [14].

Хотя биотехнологии в официальных документах, имеющих значение для судебной системы, пока звучат не так явно, как технологии информа-

ционные, они вскоре о себе активно заявят. Судебная практика в условиях пробельности законодательства о биологических технологиях все чаще вынуждена обращать свой взор к ним.

Так, в 2017 году увидело свет знаковое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [8].

Нельзя также не обратить внимания на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2024 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» [6], которым акцентируется внимание на том, что молекулярно-генетические экспертизы, появившиеся с развитием новых технологий, отличаются высоким уровнем надежности результатов, свидетельствующих о происхождении ребенка от конкретного лица (биологическом родстве), заключение такой экспертизы во всяком случае не может оставаться без надлежащей оценки при вынесении судом решения.

Принцип непосредственности традиционно относят к числу национальных, межотраслевых, функциональных принципов гражданского процессуального права.

Формулировка ч. 1 ст. 157 ГПК РФ достаточно лаконична: «Суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу». Ей корреспондирует другая важная норма ГПК – согласно ч. 2 ст. 195 суд должен основывать свое решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. На помощь приходит доктрина, а также правоприменительная практика, которыми и пользуется судебный корпус.

Функциональное предназначение данного принципа напрямую связано с доказыванием, поскольку он определяет базовые параметры исследования и оценки доказательств по делу.

В специальной литературе пишут о необходимости соблюдения на практике следующих положений: обязательность личного участия судей в исследовании доказательств; получение сведений о фактах из первоисточников, непосредственно от носителей информации (при наличии соответствующей возможности); обоснование судебного решения по делу исключительно на основе доказательств, исследованных в судебном заседании [16, 20].

Из принципа непосредственности имеются отдельные исключения (например, невозможность непосредственного личного восприятия доказательств), но они отдельно оговариваются, при этом имеется надлежащий процессуальный механизм, способствующий обеспечению их

достоверности и соответствия строгой процессуальной форме (письменные объяснения, надлежаще оформленные протоколы, судебные поручения и др.).

К.С. Рыжков выделяет три случая частичного отступления от принципа непосредственности: проведение сеансов видеоконференц-связи в судебном заседании, выдачу судебного поручения, представление надлежаще заверенных копий письменных доказательств, аудио- и видеозаписей. Фактически во всех случаях речь идет о проникновении в процесс результатов, в основе которых лежат информационные технологии. При этом автор делает вывод о недостаточности правового регулирования новых гражданских процессуальных правоотношений [17]. Она (недостаточность, пробельность) способна поставить под сомнение достоверность конкретного доказательства по делу, что не служит цели и задачам судопроизводства.

Нельзя не обратить внимания на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» [7]. Суд ссылается на ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, а далее проводит связь между принципом и методом исследования доказательств судом, являющимся правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения.

Несмотря на отнесение принципа непосредственности к числу традиционных для гражданского судопроизводства, на практике суды иногда допускают ошибки, что влечет за собой отмену судебных постановлений.

Например, в Определении СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. № 20-КГ18-30, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что в апелляционном производстве действуют принципы непосредственности и устности, установленные для производства в суде первой инстанции [12].

В Определении СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 сентября 2014 г. № 78-КГ14-19, отмечается: «Отказывая в удовлетворении иска, суды первой и апелляционной инстанций сослались на решение клинической экспертизы врачей УКСО ПНИ N 10 и ПНД N 9 от 15 июля 2011 г., согласно которому лица, проживающие в указанной выше квартире, прошли индивидуальную программу реабилитации и по своему психическому состоянию могут проживать самостоятельно в отдельных и коммунальных квартирах» [11]. Однако как установила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, указанный документ либо его заверенная копия в мате-

риалах дела отсутствует. В протоколах судебных заседаний нет указания о том, что данное решение клинической экспертизы, на которое сослались судебные инстанции как на доказательство по делу, исследовалось судом в судебном заседании.

Возможности современных информационных технологий, в т.ч. систем искусственного интеллекта, по анализу, обработке и первичной оценке информации хорошо известны, потому и привлекают работников судебной системы в целом и судей, в частности. И касаются они не только организации делопроизводства, но и осуществления ряда процессуальных действий, включая подготовку судебных решений.

На первый взгляд, их внедрение позволит улучшить оперативность судопроизводства, повысить его качество, а также снизить число судебных ошибок. По крайней мере, исключить часть грубых ошибок (отсутствие необходимых и достаточных доказательств по делу, неверное определение предмета доказывания, распределения бремени доказывания, применимых норм по делу и др.), встречающихся на практике, можно было бы избежать. Ряд процессов алгоритмизируется и в идеальных условиях позволяет судье более эффективно осуществлять предварительную и последующую работу (в процессе подготовки дела, исследования и оценки доказательств, подготовки проекта решения и др.).

Однако юридические, этические и организационные проблемы, в особенности вопрос допустимой, приемлемой «цены» судебных ошибок (для участников дела, общества, судебной системы и государства в целом) сдерживает ускоренное широкое внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство.

Принцип непосредственности в существующем виде, на наш взгляд, прямо препятствует этому (в иных случаях непосредственная оценка вытесняется опосредованной; между самими участниками процесса, представляемыми ими доказательствами по делу появляется посредник (иногда и не один), истинные намерения которого неизвестны, а лишь предполагаются соответствующими заявленным задачам).

Обратим внимание на некоторые дефекты, которыми характеризуются имеющиеся в распоряжении потенциальных заказчиков (в т.ч. и судов) сквозные технологии.

Ученый-социолог Е.П. Тавокин задает следующий важнейший вопрос: «Способен ли другой живой организм или, тем более, вычислительная машина (компьютер) воспринимать исключительно человеческие проблемы в человеческих смыслах»? [18]. И сам же дает на него отрицательный ответ.

Искусственный интеллект, на наш взгляд, не заменяет специалиста, а становится в его руках инструментом для работы с данными, освобождает его от рутины. Даже без применения новейших технологий в специальной литературе все чаще пишут о кризисе доверия, оказывающем серьезное негативное влияние на судопроизводство [15], отправление правосудия (выгорание, механистический подход и др.) Специалистам известны примеры, когда проекты решений по отдельным делам вместо судей готовились одной из сторон, либо помощниками (включая юристов, не состоящих в штате суда). Если же ряд важнейших функций будет передан системе? Апеллировать будет не к кому (так решила «машина», обращайтесь к разработчикам, мы ничего поделать не можем).

Человек, будь то обыватель или судья, склонен доверять авторитетам, так называемым «научным фактам» и т.д. При этом в отличие от узкого специалиста в конкретной области, сфере деятельности, обыватель крайне редко ставит вопросы о степени достоверности знания, его доказанности, точности примененных для получения вывода методов, способов и проч. В результате вероятное знание нередко принимается за достоверное, за истину в последней инстанции, следовательно, обсуждению не подлежит.

В гражданском судопроизводстве исходя из действия принципов процессуальной экономии, судебной истины, состязательности, стремления рассмотреть дело по существу в разумный срок, нередко считается «практически доказанным» факт вероятный, а не истинный. Сквозные технологии при умелом их использовании, с одной, могут стать хорошим подспорьем в повышении уровня доказанности по делу, с другой – повлечь за собой ошибки, в т.ч. и грубые. Их возможности, преимущества и недостатки нужно точно знать. Как правило, на судей это требование сегодня не распространяется. В процессе общеправовой подготовки будущие юристы лишь знакомятся с возможностями экспертологии в целом, ее отдельных родов и видов. В процессе профессиональной подготовки и (или) переподготовки – крайне редко, эпизодически.

Те же существующие программы ДНК-идентификации растений, животных, человека позволяет по генетическим маркерам получить большинство интересующих человека выводов о биологическом объекте (например, определить принадлежность индивида к этносу, роду, в некоторых случаях – даже к фамилии). Однако данные технологии имеют свои нюансы, о которых необходимо знать и заведомо не относить их к 100% гарантирующими искомый результат [21].

Современные системы, именуемые «искусственным интеллектом», также страдают пороками. Одними из первых с ними столкнулись медики. Наличие все чаще выявляемых уязвимостей не позволяет врачам всецело полагаться на такого рода программы [22].

Научное сообщество все чаще начинает сталкиваться с невозможностью проверки некоторых выводов, полученных системами искусственного интеллекта. Ручное сличение использованных системой при подготовке того или иного ответа на пользовательский запрос источников (в первую очередь, научных публикаций, изданных в солидных изданиях, осуществляющих экспертизу, соблюдающих требование к этике, не допускающих конфликта интересов и проч.) показывает, что выводы на них не основаны. Система брала в обработку «первые попавшиеся» ей публикации (в т.ч. в «мусорных» изданиях) либо вообще указала материалы, физически отсутствующие в ряду официально обнародованных, либо по каким-либо причинам недоступных для ознакомления.

Недавно произошел случай, требующий пристального внимания за «модными» трендами, за прозрачностью исполнителей, их соответствие предъявляемым требованиям. Оказалось, что широко известная «BuilderAI» с их нейросетью «Наташа» - не более, чем маркетинговая уловка, а точнее – грандиозный обман. Большинство видов работ выполняли нанятые компанией сотрудники из Индии.

Даже отдельные тезисы, изложенные выше, позволяют сделать вывод о том, что ускорение судопроизводства, его дальнейшая оптимизация на основе сквозных технологий, с одновременным повышением качества отправления правосудия, в силу чего можно и нужно активно двигаться вперед по пути дальнейшего отступления от принципа непосредственности, в настоящее время являются несостоятельными.

Возникающие у суда вопросы в связи с применением современных технологий (биологических, информационных и некоторых других), достоверностью полученных данных и др., снимаются за счет имеющегося в распоряжении суда инструментария, а именно – посредством назначения судебных экспертиз и (или) привлечения в процесс специалиста (дача консультаций, пояснений и др.). Однако применение в гражданском судопроизводстве специальных знаний и навыков сведущих лиц не служит процессуальной экономии, не ускоряет процесс, потому может рассматриваться как общая и вынужденная мера, позволяющая суду осуществить исследование и оценку доказательств исходя из требований принципа

непосредственности на необходимом и остаточном уровне для вынесения решения, отвечающего требованиям гражданского процессуального закона.

По мере развития сквозных технологий, знаний о них в обществе, часть информации (сведений), а также навыков, будет переходить из сферы сугубо научных либо узкопрофессиональных знаний в категорию общеизвестных. Однако процесс этот носит длительный характер, подстегнуть его не избежав издержек, не наделав ошибок, сложно. В этой связи по мере развития исследуемых нами технологий и их внедрения в судебную практику, возникнет вопрос о применении общих для судов подходов, методик, стандартов и только в случаях значительных затруднений, наличия противоречий в доказательствах – обращение к экспертам и специалистам (тщательная проверка информации, источника ее происхождения и др.).

В связи с изложенным, авторами видится несколько возможных сценариев, не исключая друг друга: наличие единого исполнителя, поставщика технологий для судов (отвечает самым высоким специальным требованиям, исключается вмешательство извне, искажение информации, обеспечивается высокий уровень защита информации, осуществляется контроль, надзор, мониторинг за технологией и др.); разработка и внедрение специальных методик, регламентирующих деятельность судов по получению, исследованию и оценке доказательств, полученных на основе и (или) с использованием сквозных технологий; разработка и последующее применение на практике стандартов доказывания по делам, в которых применялись сквозные технологии.

На стандартах доказывания следует остановиться подробнее. В литературе периодически обостряется интерес к данной проблематике [19], что свидетельствует о наличии практической потребности в специальных правовых (процессуальных) средствах, улучшающих, оптимизирующих существующий процесс доказывания, позволяя при этом в полной мере реализовывать гражданские процессуальные принципы (в т.ч. непосредственности), достигать, в конечном счете, поставленных законом задач судопроизводства.

Стандарт доказывания позволяет раскрыть содержание, объем и пределы бремени доказывания, при необходимости – применить доказательственную презумпцию. Пределы могут отличаться: от однозначно доказано или доказано с высокой степени вероятности (на наш взгляд, сквозные технологии позволяют стремиться к высокому уровню доказанности и достигать его), до «практически доказано», доказано «на балансе вероятностей» и другое.

Список литературы:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[2] Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7586.

[3] Указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1468.

[4] Указ Президента РФ от 2 ноября 2023 г. № 818 «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8035.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоёмких технологий» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2024 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // СЗ РФ. 2024. № 50. Ст. 7841.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // РГ. 2003. № 260.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // РГ. 2017. № 110.

[9] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

[10] Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы // одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.

[11] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 сентября 2014 г. N 78-КГ14-19 // Текст определения официально опубликован не был // источник: СПС Гарант+.

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. № 20-КГ18-30 // Текст определения официально опубликован не был // источник: СПС Гарант+.

[13] Афанасьев С.Ф., Токарева А.А. Влияние новых информационных технологий на обеспече-

ние деятельности российских судов в XXI веке // Становление единой системы судебной власти в России: Сборник статей конференции // К 100-летию Верховного Суда Российской Федерации. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 35-41.

[14] Генетические технологии: учебное пособие / отв. ред. А.А. Мохов. М.: ЮФ Контракт, 2022. – 184 с.

[15] Горшенев М.А. Кризис доверия, как фактор, влияющий на доказывание в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4. С. 64-79.

[16] Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. – 879 с.

[17] Рыжков К.С. Пределы применения принципа непосредственности в гражданском процессе // Юридические исследования. 2020. № 1. С. 1-9.

[18] Тавокин Е.П. Искусственность «искусственной социальности» // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 115-122.

[19] Токарева Е.В. О месте «стандарта доказывания» в цивилистическом процессе // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 35-40.

[20] Треушников М.К. Судебные доказательства: монография. М.: Городец, 2016. – 371 с.

[21] Омашева М.Е., Аубакирова К.П., Рябушкина Н.А. Молекулярные маркеры. Причины и последствия ошибок генотипирования // Биотехнология. Теория и практика. 2013. № 4. С. 20-28.

[22] Хомяков М.Ю. Дискриминация искусственного интеллекта в медицине // Digital Diagnostics. 2023. Т. 4. № 1. С. 143–144.

References:

[1] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 // SZ RF. 2002. No. 46. Art. 4532.

[2] Decree of the President of the Russian Federation dated November 28, 2018 No. 680 “On the development of genetic technologies in the Russian Federation” // SZ RF. 2018. No. 49 (Part VI). 7586.

[3] Decree of the President of the Russian Federation No. 83 dated March 2, 2022 “On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation” // SZ RF. 2022. No. 10. Art. 1468.

[4] Decree of the President of the Russian Federation No. 818 dated November 2, 2023 “On the development of nature-like technologies in the Russian Federation” // SZ RF. 2023. No. 45. St. 8035.

[5] Decree of the President of the Russian Federation dated June 18, 2024 No. 529 “On approval of priority areas of scientific and technological develop-

ment and the list of the most important high-tech technologies" // SZ RF. 2024. No. 26. Art. 3640.

[6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 27, 2024 No. 55-P "In the case of the review of the constitutionality of Article 48 of the Marriage and Family Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen M." // SZ RF. 2024. № 50. Art. 7841.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2003 No. 23 "On the judicial decision" // WG. 2003. No. 260.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 16, 2017 No. 16 "On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children" // R.G. 2017. No. 110.

[9] Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 25, 2013 No. 257 "On approval of the Rules of Procedure for notifying participants in legal proceedings via SMS messages" // Bulletin of Acts on the Judicial system. 2014. № 2.

[10] The concept of information policy of the judicial system for 2020 - 2030 // approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 5, 2019.

[11] Ruling of the IC on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 9, 2014 N 78-KG14-19 // The text of the definition has not been officially published // source: SPS Garant+.

[12] Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2018 No. 20-KG18-30 // The text of the ruling has not been officially published // source: SPS Garant+.

[13] Afanasyev S.F., Tokareva A.A. The influence of new information technologies on ensuring the activities of Russian courts in the 21st century // The formation of a unified judicial system in Russia: Collection of articles of the conference // On the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. pp. 35-41.

[14] Genetic technologies: a textbook / ed. by A.A. Mokhov. Moscow: Law Firm Kontrakt, 2022. – 184 p.

[15] Gorshenev M.A. Crisis of trust as a factor influencing evidence in insolvency (bankruptcy) cases // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 4. pp. 64-79.

[16] Russian Civil Procedure law: textbook for universities / edited by S.F. Afanasyev. Moscow: Yurayt, 2013. – 879 p.

[17] Ryzhkov K.S. Redefinitions of the application of the principle of immediacy in the civil process // Legal research. 2020. No. 1. pp. 1-9.

[18] Tavokin E.P. The artificiality of "artificial sociality" // Sociological research. 2019. No. 6. pp. 115-122.

[19] Tokareva E.V. On the place of the "standard of proof" in the civil process // Bulletin of Arbitration Practice. 2023. No. 2. pp. 35-40.

[20] Treushnikov M.K. Judicial evidence: a monograph. Moscow: Gorodets, 2016. 371 p.

[21] Omasheva M.E., Aubakirova K.P., Ryabushkina N.A. Molecular markers. Causes and consequences of genotyping errors // Biotechnology. Theory and practice. 2013. No. 4. pp. 20-28.

[22] Khomyakov M.Y. Discrimination of artificial intelligence in medicine // Digital Diagnostics. 2023. Vol. 4. No. 1. pp. 143-144.





ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru